

Агафонова Татьяна Петровна, Попов Виталий Владимирович

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

В статье рассматривается малоизученная проблема, связанная с феноменом социальной рациональности. Социальная рациональность представляется в контексте глобального эволюционизма современной научной картины мира, исследуются интегральные характеристики данного феномена.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/3-2/1.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 3 (17): в 2-х ч. Ч. II. С. 10-14. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 316.3

В статье рассматривается малоизученная проблема, связанная с феноменом социальной рациональности. Социальная рациональность представляется в контексте глобального эволюционизма современной научной картины мира, исследуются интегральные характеристики данного феномена.

Ключевые слова и фразы: глобальный эволюционизм; социальная рациональность; постнеклассическая наука; социальное время.

Татьяна Петровна Агафонова, к. филос. н.
*Кафедра государственно-правовых дисциплин
Таганрогский государственный педагогический институт
vitl_2002@list.ru*

Виталий Владимирович Попов, д. филос. н., профессор
*Кафедра философии
Таганрогский государственный педагогический институт
vitl_2002@list.ru*

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ©

В современном научном познании происходит формирование новой научной картины мира, в рамках которой одной из фундаментальных составляющих является идея глобального эволюционизма. Она выступает как некое организующее начало, позволяющее подходить к системе представлений о мире как к некоторому универсальному процессу. Особо важно, что в основанной на идее глобального эволюционизма современной научной картине мира познающий субъект не противостоит объективной реальности, а понимается как часть этой реальности. При таком подходе человек – это фактор, участник современных процессов и, как обладающий разумом и способностью направлять и осознать эволюцию, он приобретает определенную ответственность за ее результаты. Можно выделить систему категориальных смыслов, которые задают новую целостную картину мира. В этом случае в категориальной сфере постнеклассической картины мира можно выделить такие понятия как «необратимость», «неустойчивость», «нелинейность», «самоорганизация», «коэволюция» и др., которые если и применялись для исследования мира в классической и неклассической науке, то не имели ключевого значения.

Особенно это касается социальной формы глобального эволюционизма, которая связана с применением ряда других категорий, имеющих особенности именно социального эволюционизма. Естественно, что при этом определенный новый смысл приобретают такие фундаментальные категории как время, пространство, материя и т.д. Вместо представления пространства в виде совокупности близлежащих точек, атомов, оно представляется как функциональная системная структура. В данной ситуации отвергнуто представление об универсальности не только пространства, но и времени. Время постигается как время бытия, а в рамках социальной философии – социального бытия, и при этом на приоритетные позиции выходит исследование конкретных социальных процессов и социального развития.

Проблема истины в современной неклассической науке рассматривается не как определенная копия объекта, а как характеристика способа деятельности познающего субъекта. Так как в картине мира, основанной на идее эволюционизма, объект понимается как саморазвивающаяся целостность, не противостоит субъекту, а включает его, то истина в объекте не может быть предзадана, она складывается с человеком, но не зависит от него. Сама проблема отображения социальной действительности органически начинает связываться с так называемым социальным бытием как с социальным процессом. На смену характеристик бытия в рамках неизменности, в рамках определенной целостности приходит проблема бытия, основанная на пространственных и временных характеристиках, рассматриваемых с позиции современного естествознания. Поскольку субъект вместе со всеми познавательными возможностями, системой установок, ценностей является частью бытия, возникает неклассическая ситуация. Если классическая интерпретация этого процесса допускала изначальное присутствие познавательных смыслов в некоторых стереотипах, на которые ориентирован познающий субъект, то неклассическая наука отказывается от всякого рода универсалистских характеристик, связанных с признанием некоторого потустороннего наблюдателя вне зависимости от того, кем он является.

В этой связи, В. С. Швырев отмечает, что «реальное рациональное мироотношение определяется соответствующими установками сознания, каковые и конституируют рациональность действия. В этом смысле в рациональном действии первично, безусловно, рациональное сознание. Тем самым проблема концептуального определения рациональности, если таковую считать правомерной, все-таки сводится к экспликации соответствующих установок сознания. Но при рассмотрении последнего в контексте жизнедеятельности человека, как это в свое время проделал молодой Маркс в своей концепции практики, мы получаем возможность анализа различных коллизий реализации исходных установок рационального сознания в реальном отношении человека к миру» [5, с. 41].

Поскольку в рамках постнеклассической науки в трактовке социальных систем на первый план выходит проблема их становления и изменения и в аспекте формирования качества жизни отдельного общества, и в аспекте системного оформления связей в человеческом обществе, постольку все более четко осознается зависимость структурности общества от самореализации человеческих индивидов. Поэтому отмеченные категории становления и изменения требуют дополнительного концептуального анализа с выходом на социальное становление, социальное изменение. В настоящее время подобная тенденция уже нашла свое отражение в современной литературе, поэтому наше обращение к проблеме анализа социального времени с учетом социальных изменений представляется весьма адекватным. Таким образом, понимание взаимосвязей в жизни людей оказывается своеобразным ядром трактовки воспроизводящейся и меняющейся социальной реальности.

С этих позиций следует обратить внимание на то, что социальное бытие, характеризующееся как процесс сочетающихся и меняющихся друг друга видов деятельности людей, выступает в рамках социального пространства и социального времени. Социальное пространство представляет собой динамику человеческого бытия в виде своеобразной координации деятельности людей, в том числе их конкретных действий, предметных условий, средств и результатов их жизненного процесса, форм их непосредственного взаимодействия. Социальное время фиксирует устойчивость социальных форм как их взаимодействие. Это не только фиксация социального бытия на его духовно-теоретическом уровне. Социальное время и пространство оказываются исходными схемами обыденного поведения людей и их взаимодействия; эти схемы постоянно действуют на уровне бытия социальных индивидов как условие непрерывности организованного социального процесса в его непосредственных связях, в его опосредованных зависимостях. Динамика социальности, следовательно, реализуется в непосредственных контактах людей, в условиях совместности и коллективности, а также в пространствах, где такие контакты отсутствуют. Речь, таким образом, идет об обособленной деятельности индивидов, их опосредованных зависимостях. При этом можно говорить о социальности как о взаимообусловленности коллективного и индивидуального, совместного и разделенного человеческого бытия.

Условием решения проблемы рациональности оказывается своеобразное обращение смыслов к самому бытию. Однако если в европейской культуре было не так много мыслителей, у которых можно найти зачатки постнеклассической рациональности (поэтому постнеклассическая наука иногда воспринимается как своеобразный отход от научности), то в российской ментальности существовал свой взгляд на природу знания вообще и научного в частности.

В центре внимания современной социальной методологии все больше оказываются проблемы социальной нестабильности, поиска альтернативных сценариев развития, переходных этапов внутри конкретного социума. Отчетливо ощутим сдвиг в сторону анализа синтетических механизмов социальной динамики. Решение задач теоретической репрезентации множественности, нестабильности способны реализовать неклассические социальные методологии, в которых жесткий концептуальный синтез заменяется мягкими методами социального познания с использованием функциональной и культурно-исторической специфики изучаемых объектов. Основанием некоторых методологий является следование диалогу различных социальных и культурных форм.

В переходные периоды ранговые порядки ценностей социального сообщества коренным образом изменяются. Наступает период хаотичного отхода от традиционных установок. В такое время на первый план выдвигается необходимость предпочтения стабильности и согласия, однако из-за хаотичности ценностного порядка одни ценности подменяются другими, в результате чего между социальными группами возникает сфера непонимания, коммуникативный вакуум, порождающий противостояние и конфликтные ситуации.

Когда современная наука на переднем крае своего поиска поставила в центр исследований уникальные, исторически развивающиеся системы, в которые в качестве особого компонента включен сам человек, то требование экспликации ценностей в этой ситуации не только не противоречит традиционной установке на получение объективно-истинных знаний о мире, но и выступает предпосылкой реализации этой установки. Есть все основания полагать, что по мере развития современной науки эти процессы будут усиливаться. Техногенная цивилизация ныне вступает в полосу особого типа прогресса, когда гуманистические ориентиры становятся исходными в определении стратегии научного поиска.

Социальная рациональность как компонент рассмотрения и исследования социальной реальности может быть рассмотрена, исходя из двух основных подходов к этому понятию и к выделению, соответственно, двух ее видов, что определяется исследовательскими задачами. Первый вид связан с тем, что социальная рациональность рассматривается в контексте познавательно-преобразующей деятельности индивидов, понимается как некоторая деятельностная рациональность и вполне соответствует современным представлениям относительно того, что в системе постнеклассической рациональности познающий субъект должен рассматриваться именно в рамках деятельностного субъекта [4]. Второй вид связан с функционированием социальных систем, с их внутренней рациональностью, проявляющейся в определенной логике построения самой системы, а также в способности к саморегуляции и саморефлексии. При этом социальная реальность – это функция деятельностной активности как отдельного человека, так и общественных образований по отношению к самой социальной реальности. В рамках такого подхода социальная рациональность связана с познавательной рефлексивной деятельностью человека и различных социальных групп. При этом важную роль играют степени и способы адекватного восприятия социальными индивидами окружающей среды и собственной деятельности с учетом их мировоззренческих установок, целевых установок, средств и познавательных возможностей.

Рассматривая характер рациональности, которым обладает действующий социальный субъект, заметим, что ее качество, прежде всего, зависит от его способности получать, перерабатывать, использовать эту информацию в своей деятельности. На микросоциальном уровне такая способность связана с рефлексивными

и психологическими особенностями самого субъекта рациональной деятельности. Если обратиться к некоторым факторам ограничения, имеющим социальный характер, то в этой связи обычно выделяется моральная позиция субъекта и особенности той сферы, в рамках которой он живет и действует; обратим внимание, что такие ограничения обычно связаны с ситуацией, когда именно это окружение не заинтересовано в широком распространении этой информации, тем более ее рациональных составляющих.

Особая причина нарушения рациональности – это межсубъектное отношение и межсубъектное противоречие, которое в подобном случае выступает как некоторый диссонанс или рассогласованность. Каждый социальный субъект будет жить, в некотором смысле, в своей социальной реальности, что связано с его индивидуальными особенностями в плане интересов, установок, мировоззрения, представлений и т.д. В этом смысле можно говорить о потребности в согласовании подобных реальностей и их взаимодействиях в рамках взаимодействия самих субъектов. Конечно, для относительно несложных видов деятельности человечество выработало механизмы, методы, способы, в рамках которых проявляются действия, направленные на согласованность подобных межсубъектных отношений.

Социальная рациональность тесно связана и с проблемой роли и места субъекта, его целерациональной деятельности, качества этой деятельности. Человеческая рациональность неотделима от целостного подхода к любой деятельности. Ценностное отношение к окружающему миру всегда строится на иерархии ценностей. Каждый раз плодотворная попытка рационализировать общественные структуры неизбежно реализует принцип ценностной иерархичности и распространяет его на организационные и иные, в том числе политические, структуры. Обратим внимание на то, что люди обычно в таких случаях склонны организоваться для достижения своеобразных высших, по их мнению, ценностей, и что подобная организация ведет к созданию социальных образований, которые направлены на достижение комплекса именно таких иерархических ценностей.

Рациональность социальных ценностей выражена в структурной логике систем, обеспечивающей их устойчивость, воспроизводимость основных функций и адаптационные социальные изменения; рациональность социальных систем может повысить уровень их эффективности. Это связано такими факторами: совершенствование организационных структур и связей; повышение рациональности индивидуальных элементов этих структур; использование наилучших управленческих технологий; наличие адекватной возможности у социальных систем в отношении постановки целей и реализации определенных программ в рамках заданных критериев социальной рациональности; создание эффективной информационной системы, обеспечивающей необходимые параметры рациональности.

Проблема социальной рациональности связана и с двоякой оценкой места и роли человека в процессах социальных изменений: с одной стороны, человек может рассматриваться как некоторый конструктивный элемент сорационального воздействия на социальные процессы, явления социального изменения и характер общества; с другой стороны, он может рассматриваться в качестве своеобразной функции социальных изменений, определяемых совокупностью исключительно объективных процессов, не влияющих на ход социального изменения. В социальной реальности имеет место неизбежное сочетание как состояния, детерминирующего активность человека, так и внешней объективной детерминации закономерностей развития общества. Известные формы, например, политической рациональности как частного проявления социальной рациональности могут рассматриваться с позиции целей рациональности в вариантах выбора.

Рациональность находит свое выражение в истинности человеческой деятельности, которая проявляется в соответствии вырабатываемых в ее рамках целей, методов, средств и результатов свойствам и отношениям действительности, ее объективным законам и закономерностям.

Мировоззрению современного человека свойствен своеобразный симптом обращения к смыслу в результате комплекса опосредующих причин, к числу которых следует отнести схематизацию и автоматизацию деятельности, увеличение дифференциации ролей социальной структуры и др. Одна из важнейших причин заключалась в повышении уровня остроты социальных противоречий. Научное мышление не столько фокусировало свое внимание на человеке, сколько занималось технологизацией подведения научной основы под осмысление состояния всех сфер общественной жизни.

Рациональность, доведенная до техницизма и схематизации человеческой деятельности, предстает как однобокая и содержательно бедная рациональность. Как отмечает, например, А. А. Новиков, «подлинно рациональный и действительно разумный путь жизнедеятельности человека – это не только научно обоснованный и оптимально сбалансированный, но и, прежде всего, нравственный путь, при котором факторы, не являющиеся рациональными, не вытесняются расчетливостью и безупречной логикой. Формально интересен всякий здравствующий, но, как утверждал еще Сократ, подлинно истинен тот, кто близок идеалу человечества. Человечность характеризует человека со стороны его способности употребить свой разум во имя достойного существования и развития человеческого рода. Всякое рафинирование рациональности не только антигуманно, но и неразумно, является обеднением духовного мира человека» [3, с. 31].

Разумный, рациональный путь развития человека – единственно приемлемый на современном уровне его исторического развития. Как справедливо отмечал Г. Башляр, рациональный человек – «человек, который актуализирует свою культуру, но который знает эту культуру и, следовательно, знает ту социальную реальность, в которой он живет» [1, с. 10]. Человеку не столько дана эта реальность, сколько он творит ее сам в соответствии со своими представлениями и интересами; поэтому процесс преобразования и создания подлинного социума, соответствующего идеалам его развития, является рациональным, тем более, что «рациональная мысль занята не только реконструкцией, но и реорганизацией, перестройкой жизненных оснований, т.к. от этого зависит победа человека и его разума» [Там же, с. 12].

Представленные подходы к рациональности оставляют в стороне еще один важный элемент – субъекта рациональной деятельности, однако, субъективность входит в саму структуру деятельности вместе с мотивами, целями, полагаемыми субъектами; более того, субъективность, понятая как рациональность, включает в себя убеждение в целесообразности данной деятельности с учетом многообразия ценностных, познавательных и практических ориентаций. Субъект всегда стоит перед выбором, и эта способность делать сознательный и осознанный выбор – лучший способ деятельности, так как характеризует рациональность его субъекта.

Проблема внутреннего единства субъекта рациональной деятельности в рамках заданной концепции, например, в подходах Д. Роулза, М. Гибсона, предполагает методiku достижения ситуации согласия в научном сообществе, использующую социально-психологические способы согласования мнения [6-7]. Фактически имеется в виду попперовский идеал критичности, с которым, якобы, согласны все ученые. Это показывает не что иное, как вопрос о субъекте рациональной деятельности относительно социальной природы рациональности, то есть можно сказать, что речь идет о своеобразном согласии или, как в другом варианте, несогласии, зависящем от того, какие исходные субъективные предпосылки были приняты.

Нельзя не отметить и понятие естественной рациональности, которая должна быть заменена понятием контекстуальной рациональности, с точки зрения исходной определенности. Дело в том, что у нас нет критериев рациональности, которые всесторонне ограничивают способы человеческого мышления, а также разделяют все существующие системы убеждения на рациональное или иррациональное.

Действительно, в понятии естественной рациональности фиксируется формальный момент рациональности. На наш взгляд, понимая рациональность как согласованность потребностей и целей, например, Д. Роулз, Э. Стеблер или М. Гибсон рассматривают и те, и другие как данные так, что их содержание даже не подвергается исследованию или оценке. Задача заключается в том, чтобы построить общую теорию справедливости, в результате чего возникает парадокс формального подхода к рациональности и социальной обусловленности сознания. Понимание естественной рациональности достаточно удачно уточняет А. Шютц, который утверждает, что рациональное действие на уровне обыденного сознания является действием в рамках проблематичных и, безусловно, базисных конструкций [8]. Таким образом, с точки зрения А. Шютца, обыденное понятие рациональности, как и образ действия, легко доступно и интерсубъективно.

Поиск новой рациональности в той или иной мере затрагивает все элементы приведенного выше дискурса. Основными при этом являются следующие положения: непосредственное восприятие сменяет опосредованную данность какого бы то ни было содержания, причем весьма существенными в этом опосредовании оказываются историко-культурные наслоения; абсолютный субъект сменяется в менее радикальных вариантах переосмысления относительным социокультурным, историко-обусловленным объектом; предопределенность восприятия и познания уничтожается уже одним только признанием их опосредованности; поиск абсолютных оснований сменяется убеждением в том, что таких незыблемых и предельных оснований, если угодно – стандартов, просто не существует.

Рациональность, которая могла бы характеризоваться всеми этими негативными признаками, требовала бы такого своеобразного специального упорядочения и систематизации материалов сознания, которые заведомо исключают движение к какому-либо определенному центру, хотя для традиционного рационалистического мышления именно его эгоцентричность воспринимается как признак современности. Другими словами, искомая рациональность выступает не как система самоупорядоченных тезисов, а скорее как тенденция, которая в каждом конкретном случае пробивает себе направление через случайности.

Постулирование такой противоречивости-разумности в историческом аспекте мы находим, например, у того же Х. Г. Гадамера, который, по сути, фиксирует противоречивость разума как неизменного и как исторически изменяющегося. Например, исследуя исторические метаморфозы разума, Х. Г. Гадамер начинает свой поиск с утверждения о неизменности разума в его изначально присущих определениях [2]. В этой связи реальной оказывается такая ситуация, при которой никакие другие категории, определяющие контекст мышления о рациональности, не являются одновременно органично присущими конструктивному развёртыванию разума и внеположенными в него категориями исторического. Однако если взять позицию рационально-социальную, то она тоже не удовлетворяет условию, согласно которому второй элемент оппозиции должен представлять собой одновременно внутренние и внешние условия осуществления первого. Рациональное и историческое – вот те две категории, которые, по сути дела, хотя и не в явной форме, но опираются на современную концепцию рациональности.

Список литературы

1. Башляр Г. Научный рационализм. М. - СПб., 2000. 395 с.
2. Гадамер Х. Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / пер. с нем., общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М., 1998.
3. Новиков А. А. Рациональность в ее истоках и утратах // Исторические типы рациональности. М., 1995.
4. Степин В. С. Деятельностная концепция знания: дискуссия с И. Алексеевым // Вопросы философии. 1997. № 8. С. 42-51.
5. Швырев В. С. Рациональность как ценность культуры. М., 2003. 160 с.
6. Gibson M. Rationality // Philosophy and Public Affairs. 1977. Vol. 6. № 3. P. 193-225.
7. Rawls J. A. Theory of Justice. Cambridge, 1971.
8. Schutz A. The Frame of Unquestioned Constructs // Rules and Meaning: the Anthropology of Everyday Knowledge: sel. readings. Harmondsworth, 1973. P. 18-20.

SOCIAL RATIONALITY PHENOMENON

Tat'yana Petrovna Agafonova, Ph. D. in Philosophy
Department of State-Legal Disciplines
Taganrog State Pedagogical Institute
vitl_2002@list.ru

Vitalii Vladimirovich Popov, Doctor in Philosophy, Associate Professor
Department of Philosophy
Taganrog State Pedagogical Institute
vitl_2002@list.ru

The authors discuss the little-studied problem associated with social rationality phenomenon; consider social rationality in the context of the global evolutionism of modern scientific world view, and study the integral characteristics of the given phenomenon.

Key words and phrases: global evolutionism; social rationality; post-non-classic science; social time.

УДК 159.947.23

В статье анализируется феномен ответственности, рассматриваются различные подходы к ее пониманию. Актуальность указанной проблемы возросла благодаря увеличению количества субъектов взаимодействия в современном обществе. Через призму социальной ответственности и ее составляющих, в частности профессиональной ответственности, рассматриваются возможные результаты взаимодействия субъектов общественных отношений, а также раскрывается проблема соотношения личной, профессиональной и социальной ответственности.

Ключевые слова и фразы: ответственность; социальная ответственность; профессиональная ответственность; корпоративные кодексы.

Денис Владимирович Антипов

Кафедра философии, социологии и истории
Российская открытая академия транспорта (РОАТ-МИИТ)
t123q@yandex.ru

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ©**

Актуальность рассмотрения проблемы ответственности обусловлена усложнением социальных процессов, увеличением количества субъектов взаимодействия и созданием новых общественных продуктов. В связи с этим необходима выработка наиболее общей системы регулирования общественных взаимоотношений наряду с существующими. По мнению немецкого философа Ханса Йонаса, на смену «человеку разумному» должен прийти «человек ответственный» [1, с. 25]. Попытаемся проанализировать причину возникновения интереса к рассмотрению проблемы ответственности. В 1957 г. английский философ Р. Маккион в своем докладе на парижской конференции, посвященной проблемам ответственности, одним из первых сделал попытку рассмотрения данного вопроса. Он подчеркнул, что «фактически нигде в системе нравственных норм и философско-этических теориях прошлого понятие ответственности не играет сколько-нибудь заметной роли» [6, р. 6].

Х. Йонас утверждает, что знание выражается во власти и силе. Причину этого он обосновывает тем, что «ответственность - всегда есть функция, производная от власти и знания», а они в то время были настолько ограничены, что в вопросе о последствиях «приходилось полагаться на судьбу и незыблемость естественного порядка вещей» [1, с. 55].

Последствия же применения власти и силы определяются уровнем развития ответственности. Он определяет ответственность как «новый целерациональный регулятор», возникающий «...там, где раньше “приходилось полагаться на судьбу и незыблемость естественного порядка”, т.е. на естественные регуляторы» [Там же, с. 74]. Английский философ Ричард Маккион считает, что старый порядок, основанный на долге и четкой иерархии в обществе, несостоятелен, потому что на смену им пришел частный интерес. Этот частный интерес нуждается в мощном регуляторе, в качестве которого может выступить ответственность. Примечательно, что Р. Маккион связывает идею ответственности не с наказанием, а с «идеей компромисса в сфере различных интересов» [6, р. 11].

Важным для понимания сущности ответственности является философский анализ, который характеризуется рассмотрением ответственности через призму этики, морали, долга. Причем такой подход в основном разрабатывался на западе. Отечественной философской наукой дается следующее определение ответственности: